

УДК 2-76

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-26-32

*Светлана Владимировна Рязанова,
доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Пермский научный центр Уральского отделения РАН
(614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а),
e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru*

Религиозный конфликт как нерелигиозный: форма, содержание, структурные элементы

В статье рассматривается проблема существенных характеристик одного из наиболее ярких проявлений присутствия религии в современной культуре – религиозного конфликта. Цель работы – определение компонентов конфликта, которые являются носителями собственно религиозной специфики, позволяющей помещать феномен в границы классификаций/типологий, трактуя его как существенно специфический. Под конфликтом понимается столкновение, возникающее в результате несовпадения мировоззренческих установок сторон, как следствие претензий на ресурсы, власть и статус. Характеристика различных составляющих конфликта как генетически связанных с религиозным началом осуществляется на основе принципа фасетной классификации, с делением конфликтов на внутриличностные, межличностные, личностно-групповые и межгрупповые. Основные компоненты религии как репрезентированной в социальном пространстве – учение, культовая практика, повседневная религиозная деятельность – анализируются с учётом их потенциальной конфликтности. Выделяются составляющие религиозной системы, неспособные выступать в качестве факторов генезиса конфликта. Религиозный конфликт определяется как не существующий в чистом виде, выступающий в качестве основы для внешней легитимации действий, связанных с другими сферами общественной жизни. Собственно религиозная составляющая может быть представлена только участниками конфликта, преследующими не собственно религиозные цели. Религия как мировоззренчески фундированный феномен неспособна трансформировать природу конфликта, создавая его особую разновидность.

Ключевые слова: мировоззрение, религия, религиозный конфликт, классификация конфликтов, идеальная модель, компоненты конфликта

*Svetlana V. Ryazanova,
Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher,
Perm Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
(13A Lenina st., Perm, 614000, Russia),
e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru*

Religious Conflict as Non-Religious: Form, Content, Structure

In this article the question about essential features of a religious conflict – one of the most significant phenomena revealing the role of religion in modern culture – is considered. The author tries to define the main components of such a conflict and to detect among them specially those which are of exclusively religious origin. This attempt could give us a chance to classify the phenomenon under consideration and to treat it as wholly special. The author proposes to describe religious conflicts as collisions resulting from diversity of participants' outlook and connected with their claims of resources, influence and status. The religious components of these collisions are characterized according to the principle of facet classification, and conflicts are divided into intrapersonal, personal, interpersonal, group and intergroup ones. The author also analyzes the main social elements of religion – the doctrine, cult practice and daily religious activity – as a potential source for a conflict and determines which of them are incapable to produce religious conflicts. It is stressed that this conflict has never existed in its pure form, but it is used to legitimate external actions from the other spheres of social life. The religious component seems to be represented only by participants of these conflicts pursuing not actually religious aims. The religious outlook can hardly transform conflict's social nature and create its special version.

Keywords: world outlook, religion, religious conflict, classification of conflicts, ideal model, components of conflict

События последних веков заставили исследователей и обывателей думать о том, что религия уже никогда больше не будет значимым социальным и политическим фактором, продолжая существовать только в сфере частной жизни [11, с. 55]. События последних десятилетий ярко показали не только неправомерность таких представлений, но и непреходящую значимость религии для социального пространства [Там же, с. 56].

Для обыденного сознания в настоящее время религиозная составляющая культуры наиболее ярко представлена конфликтами, воспринимаемыми как религиозные. Под поверхностным взглядом религия предстаёт как конфликтогенное явление с огромным потенциалом социального действия [Там же, с. 58–59], что вновь заставляет говорить об актуальности секуляризационных процессов для современного общества, которое так и не смогло стать атеистическим. Конфликтность религиозного учения/его последователей, очевидная для внешнего наблюдателя, заставляет искать ответы на целый ряд вопросов. Что в природе религии могло спровоцировать существование верующих в фазе конфликта? Реализуются ли религиозные конфликты в экстрагированном виде, либо смешанные (связанные с функционированием других сфер общественного сознания)? На каких уровнях социального бытия они представлены и с какой частотой? Возможна ли классификация/типология религиозного конфликта? Совокупность полученных ответов должна дать представление о том, является ли религия дезинтегрирующим фактором социальной жизни.

Поскольку в настоящее время в научной литературе не существует исчерпывающей классификации (как и типологии) конфликтов, исключим те варианты конфликтных действий, которые не могут быть применены к религии как феномену в целом и субъекту – носителю религиозного сознания, в частности априори. Используя подход фасетной классификации, попытаемся в границах поля социальных конфликтов указать место для их религиозной разновидности или типа. Для начала определим конфликт как потенциально применимую категорию для характеристики событий в сфере, связанной с религиозным как социальным феноменом. Для этого до-

пустим, что религиозное как сущностное уже определено (т. е. феномен неоспоримо презентует себя как религиозный – для участников, наблюдателей и исследователей), оставив в данной работе проблему сущностного определения религии как имеющего антиномическую природу.

При первом взгляде, опирающемся на формальные признаки, в религиозном поле явственно наблюдаются все разновидности конфликтов, изначально ставшие предметом исследовательского интереса психологов. В границах психологии конфликт определяется как «столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций, отдельно взятого эпизода в сознании, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями» [5]. Очевидно, что конфликт – это столкновение, возникшее в результате несовпадения установок в восприятии мира, поэтому он всегда имеет мировоззренческий компонент (пусть и редуцированный до размеров частного решения отдельно взятой ситуации). Исследователи, сделавшие конфликт центром приложения своих усилий и основным объектом анализа, во главе с Л. Козером [2], к данному определению добавляют то, что любой конфликт одновременно является и претензией – на ресурсы, власть и статус. Данный факт приводит к выводу о том, что беспочвенных конфликтов не бывает. Конфликтная ситуация формируется только в том случае, если у одной стороны существуют потребности, связанные с определёнными нормами и ценностями и одновременно входящие в противоречие с чаяниями и претензиями другой стороны. Исходя из этого, становится очевидным, что конфликт может быть реализован только в условиях достаточно тесного сосуществования потенциальных его участников при взаимной заинтересованности обеих сторон в результатах противостояния. Если я являюсь адептом шаманских палеоазиатских практик и камлаю на территории Якутии, то, с огромной долей вероятности, мне нет дела до намаза в Саудовской Аравии, каким бы массовым он не был. Я могу о нём не знать, знать, но не иметь интереса и т. п. В данном случае мы имеем дело с существованиями параллельных религиозных/мифологических континуумов.

Пространства, конструируемые разными вероучительными системами, в условиях отсутствия внешнего раздражителя – в данном случае, непосредственного контакта с конкурентами – являются замкнутыми на себя и формирующими центростремительную в аспекте использования культурных образцов социальную среду. Потенциально конфликтная ситуация религиозных сообществ и индивидов возникает при стремлении поделить имеющиеся в наличии ресурсы любой природы, получить власть или увеличить её объём, повысить собственный статус и, возможно, престиж религиозного сообщества. В этом аспекте бессмысленно говорить о внутриличностном конфликте, поскольку в качестве нормы для сторон противостояния общественной природы предполагается целостность субъекта как источника психической активности и носителя социальных качеств. Внутриличностный конфликт в религиозном аспекте, по нашему мнению, может быть представлен только феноменом одержимости, признаваемым в качестве реального всеми религиями авраамической ветви и не являющимся конфликтом противоположных религиозных интересов и потребностей. Тем самым мы признаём, что религиозный конфликт осуществляет свою репрезентацию только на метаиндивидуальном уровне.

Сверхиндивидуальные конфликты, в том числе и религиозные, могут быть упорядочены за счёт многовариантных классификаций, отличающихся критериями, которые берутся за основу.

Я. Штумски выделил следующие разновидности конфликтов: экономические, связанные с разделением труда и возникающими на этой основе различиями между людьми в материальной и социальной сфере; социальные; политические (внутренние, международные и межгосударственные); идеологические; культурные [11, с. 24]. Очевидно, что религия как социальный феномен очень часто задействована во всех обозначенных сферах, не обязательно определяя основные мотивы конфликта – поскольку она в разной степени, но во всех обществах, легитимирует и делегитимирует экономические и социальные различия, претендует на осуществление властных функций и активное участие в политической жизни, принимает участие в формиро-

вании идеологической сферы (в том числе, и в негативном аспекте, в виде объекта критики) и культурной среды.

После отказа от рассмотрения внутриличностного конфликта остаётся только три возможных разновидности – межличностный, межличностно-групповой и межгрупповой. В зарубежной литературе предпринимались попытки обобщить и классифицировать основания, причины и мотивы такого рода конфликтов именно в религиозной сфере и связать их с особенностями протекания и разрешения конфликтной ситуации [12, с. 369–381]. Попытаемся разобратся, насколько предикат «религиозное» в совокупности факторов генезиса конфликта является значимым.

Если рассматривать первый вариант, то теоретически можно допустить наличие двух индивидов с разными религиозными установками, тесно взаимодействующими в социальном пространстве. Известно много примеров существования мультиконфессиональных сообществ со стабильными внутренними связями и взаимодействиями, и неизвестно ни одного случая, чтобы религиозные взгляды сами по себе стали основой конфликта двух личностей – вне задействования политических, идеологических и финансовых аспектов.

Иная религиозность могла быть использована как мотив для обвинения, но обязательно дополнена обвинениями в причинении вреда (телесного или духовного): «Сожгите ведьму, она навела порчу на наших детей/коров/посевы». Сам по себе религиозный компонент как реализующий связь между верующим и сакральным началом не может быть истолкован как вредоносный для окружающих. Обвинения в провоцировании возможных нападений на сообщество из-за присутствия иноверцев имеют мифологическую природу, определяющую принципиальную замкнутость культурного сообщества, априорно негативный характер новшества и маргинальный статус чужаков, на какие бы социальные роли они не претендовали. Вне связи с другими сферами общественной жизни, как сугубо мировоззренческий феномен, межличностный религиозный конфликт останавливается на уровне диспута, что подтверждается культурной историей итальянских городов эпохи средневековья, допуская дискутирование исламских, иудейских и христианских богословов в качестве культурной нормы.

То же правило распространяется на межличностно-групповой тип конфликта, если рассматривать его непосредственно религиозный аспект. Человек, исповедующий другую веру, но не претендующий на её навязывание другим, не нарушающий порядок жизни группы, не причиняющий ей ущерба, подвергается нападкам только во время кризисных ситуаций, когда рушатся механизмы, конструирующие и стабилизирующие духовную жизнь общества: «чума пришла в наш город из-за еретиков, поэтому их надо убить». Религия в данном случае не выступает специфическим раздражителем (в чуме могут быть обвинены, например, куртизанки или цыгане). Такую ситуацию нельзя считать в полной мере конфликтной, поскольку реализация претензий осуществляется в одностороннем порядке. Представляется, что односторонний конфликт, характеризуемый через наличие пассивного поведения отвечающей стороны, не является в полной мере конфликтом, реализуясь по сценарию «претензия/обвинение – замораживание ситуации/нападение – снятие конфликта спонтанно/исчезновение отвечающей стороны».

Другое дело, если индивид с религиозных позиций предлагает что-то изменить в существующей ситуации (Ян Гус выступает за реформу христианской веры). Противостояние приходит в фазу конфликта только в том случае, если приводит к нежелательным социальным/экономическим/политическим последствиям для носителей титульного учения (нежелательная консолидация последователей как создание альтернативного сообщества верующих, ущерб материального плана, связанный с сокращением объёма выплат за ритуальную практику и пожертвований). Примечательно, что того же Гуса не трогали, пока он занимался чешской орфографией и популяризацией церковных служб. Отсюда вытекает, что явление с религиозной основой приобретает конфликтные черты только в сопряжении с разворачивающимися социальными действиями, лишь опосредованно имеющими религиозное значение. Так, когда речь заходит о снижении дохода от мессы, то ключевым начинает выступать слово «доход». Очевидно, что в данной разновидности конфликтов религиозное выступает как информационный повод и наиболее эффективный способ легитимации претензий, имея сущностно иную основу.

Наиболее распространёнными и часто заявляемыми о себе в истории являются межгрупповые конфликты. Отметим, что масштабность групп бывает разной – от малых, внутрисловных и других до совпадающих с сообществом населения целого государства: «Разный уровень социальных групп имеет свои особенности возникновения конфликта и способов их разрешения» [9]. Как правило, основой для любого типа конфликта выступает идентификация группы, приводящая к противопоставлению себя другим группам. Религия, несомненно, вносит свой вклад в формирование групповой идентичности, маркировку членов группы как исключительных, отличных от других. Однако наличие основы, задающей специфику сообщества, само по себе не определяет факт потенциальной конфликтности. Противоречия выявляются по мере столкновения интересов и всегда презентуются – становятся выразимыми во внешне фиксируемой форме.

Рассмотрим составляющие религиозной системы, которые могут служить генераторами конфликта. Прежде всего, стоит рассмотреть доктринальную составляющую как связанную с расхождениями в представлениях о сакральном, способах связи с ним и представлениях о нём. Если речь идёт только о наличии двух разных мировоззренческих систем, а интересы не выходят за рамки только религиозного поля, нет ни одного примера, чтобы разногласия вышли за рамки обособления (даже если речь идёт о Великой схизме 1054 г.). Священные войны Античности и средневековые крестовые походы были спровоцированы борьбой за землю, что подтверждается как поведением участников конфликтов, так и достигаемыми в итоге результатами.

Вторым элементом конфликтогенеза могли бы стать аспекты религиозной системы, связанные с культовой практикой – при наличии несочетаемой системы ценностей (мусульмане проживают в Индии и режут коров на Курбан-байрам, однако страна не является свидетельством роста количества религиозных конфликтов между индустриями и последователями ислама именно в праздничные дни). Верующий не может оставаться равнодушным к тому, что не соответствует его представлениям о ритуале, но только в том случае, когда это приводит к ущемлению религиозного пространства

другой группы (например, если субъект из хулиганских побуждений решит зарезать свинью в мечети).

Наиболее часто встречаются конфликты, основанные на несочетаемости образа жизни и социального поведения. В данном случае от собственно религиозного остаётся не так много, поскольку на бытовом уровне религиозная составляющая подвергается ремифологизации, приводящей, как уже упоминалось, к замыканию культурного пространства. Религия не может быть основой конфликта в быту, поскольку не распространяет своего воздействия на эту сферу отношений.

Отдельной группой стоит рассмотреть конфликты между верующими и неверующими – охватывающие все три ранее указанные позиции. Представляется, что само по себе расхождение также не может выступать как мотив для конфликта (требуются дополнительные мотивы, например, введение религиозно ориентированных дисциплин в учебный процесс в светском учебном заведении). Показательно, что эти потенциальные конфликты эффективно разрешаются за счёт сегментирования разных сфер социальной жизни (секулярное общество, как известно, строится не на пути изживания религиозного начала, а через отделение религии от государства).

Внешне как конфликтная ситуация религиозной природы выглядит наличие нежелательной для религиозной организации экспертной оценки, которая может зависеть/не зависеть от конфессиональной принадлежности её автора, иметь финансовую подоплёку, происходить от недостаточной осведомлённости. Если говорить об идеальной экспертизе, то со стороны её автора не может быть никаких интенций религиозного характера. Со стороны организации претензии также могут быть связаны только с указанием на некомпетентность или недобросовестность эксперта – качества, не имеющие прямой связи с религией.

Применение разных классификаций к совокупности социальных конфликтов позволяет ещё наглядней показать, насколько «внешней» по отношению к сути предмета выступают религиозные аффилиация и атрибуция. В пространстве типов социальных конфликтов К. Боулдинга [1, с. 40–44] – действительные конфликты (существующие объективно в определён-

ной социальной подсистеме); случайные конфликты (зависящие от второстепенных моментов по отношению к принципиальным противоречиям, вызвавшим конфликт); заместительные конфликты (являющиеся видимым проявлением скрытых конфликтов); конфликты, основанные на плохом знании (являющиеся результатом неумелого управления); скрытые, латентные конфликты (участники по различным причинам не могут перейти к открытой борьбе); фальшивые конфликты (не имеющие объективных основ, базирующиеся на субъективных факторах) – религиозные внешне конфликты протекают как заместительные, основанные на плохом знании, и фальшивые.

В рамках типологии Г. Бисно [10, с. 175] – конфликты интересов, с реальными противоречиями интересов или обязательств; вынужденные конфликты, намеренно создаваемые для достижения иных, чем провозглашённые, целей; ложно соотносённые конфликты, искажённые неверной атрибуцией поведения участников, содержания и причин; иллюзорные конфликты, основанные на неправильном восприятии или непонимании; замещённые конфликты, направленные на личность или соображение, отличные от действительно обиженных участников или реальных тем; экспрессивные конфликты, с желанием выразить враждебность, антагонизм или другие сильные чувства – внешне религиозные конфликты могут быть соотносены с каждым из типов, поскольку в основу типологии положены разновидности деформации восприятия и соответствующее этому поведение.

То же самое можно сказать о применимости к религиозным феноменам конфликтотогенной природы классификации М. Дойча [4], основанной на критерии истинности/ложности или реальности: религиозный конфликт может оказаться «смещённым», когда за явным (поверхностным) скрывается невидимый конфликт, составляющий основание противоречия; «неверно приписанным», когда стороны неверно поняли друг друга; и зачастую «ложным», существующим только в силу ошибок восприятия при отсутствии объективных оснований.

Таким образом, мы можем говорить о недопустимости использования дефиниции «религиозный» для характеристики существенно специфических ситуаций противодействия в обществе. Религиозное здесь

служит указанием на особенности культурной среды конфликта и, возможно, маркером для мировоззренческой принадлежности его участников, не создавая оснований для вычленения особого типа.

Стоит выделить только одну особенность религиозного конфликта, если рассматривать его как идеальную модель. Если такой действительно возникнет как эссенция существующих религиозных противоречий, то никогда не может быть снят или разрешён в силу особенностей религиозного восприятия мира, не допускающего коррекции канонов и догматических оснований.

Всякий конфликт возникает только при наличии его объекта. Столкновение между индивидами или социальными группами не бывает беспочвенным, а происходит только в том случае, если его участники не могут «поделить» что-то между собой. Объект конфликта – это конкретная материальная или духовная ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся конфликтующие стороны. Религиозным багажом завладеть нельзя, что и делает религиозное только дополнительной краской в палитре конфликта. То же самое касается предмета. «Предмет конфликта – это всегда та объективно существующая или мыслимая (воображаемая) проблема, которая подлежит решению и поэтому становится причиной расхождения во взглядах и оценках оппонентов» [6]. Если объект сущностно религиозный, то его вообще нельзя разрешить. Ещё Г. Зиммель утверждал, что «конфликт... предназначен для решения

любого дуализма, это – способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте» [7, с. 131]. Таким образом, наряду с биполярностью, являющейся носителем противоречия, в качестве обязательного атрибута конфликта выступает активность, направленная на преодоление противоречия, что в нашем случае нереализуемо.

Конфликты, которые трактуются как религиозные, чаще всего в восприятии существуют как искажение конфликтной ситуации [8] и могут иметь следующие особенности трактовки: искажение конфликтной ситуации целом; упрощение ситуации противоречия; схематизация конкретной ситуации; уменьшение перспективы восприятия конфликта; поляризация в оценках ситуации; фильтрация информации и интерпретация с предубеждением.

Стоит признать, что религиозным компонентом конфликтной ситуации фактически могут являться участники, формально (внешне) таковым может быть предмет конфликта (причём, возможно – только для одной стороны, что делает сам конфликт нереальным/беспредметным). Религиозное является только указанием на институциональную принадлежность объекта и участников конфликта, иногда – на социальную среду развёртывания или субъективное восприятие самого конфликта, не создавая каких-то специфических разновидностей конфликтов – по направленности и стратегии протекания, психологическим особенностям участников.

Список литературы

1. Блауг М. Боулдинг Кеннет Эварт // 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс, 2009.
2. Козер Л. Функции социального конфликта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/kozer.html> (дата обращения: 26.01.2016).
3. Кох И. А. Конфликты и их регулирование. Екатеринбург, 1997. 48 с.
4. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. Классификация конфликтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.society.polbu.ru/lebedeva_settlement/ch06_ii.html (дата обращения: 26.01.2016).
5. Методы урегулирования конфликтов // Психология онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s> (дата обращения: 26.01.2016).
6. Социальная психология личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lekcion.ru/Socialnaja_psihologija_lichnosti/6325-voprosi-dlya_obsuzhdeniya.html (дата обращения: 26.01.2016).
7. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. 472 с.
8. Шаш Н. Конфликтология. Шпаргалка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/natalya-shash/konfliktologiya-shpargalka> (дата обращения: 26.01.2016).
9. Шевчук Д. Конфликты: избежать или форсировать [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.center-nlp.ru/library/s55/s62/shevchuk.html?current_book_page=4 (дата обращения: 26.01.2016).

10. Bisno H. Managing conflict. Newbury Park, Calif.: Sage Publ., 1988. 175 p.
11. Fox J. Religion and State Failure: An Examination of the Extent and Magnitude of Religious Conflict from 1950 to 1996 // International Political Science Review. 2004. Vol. 25, No. 1.
12. Nielsen M. E., Fultz J. Further Examination of the Relationships of Religious Orientation to Religious Conflict // Review of Religious Research. 1995. Vol. 36, No. 4.

References

1. Blaug M. Boulding Kennet Evart // 100 velikikh ekonomistov posle Keinsa. SPb.: Ekonomikus, 2009.
2. Kozer L. Funktsii sotsial'nogo konflikta [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/kozer.html> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
3. Kokh I. A. Konflikty i ikh regulirovanie. Ekaterinburg, 1997. 48 s.
4. Lebedeva M. M. Politicheskoe uregulirovanie konfliktov: podkhody, resheniya, tekhnologii. Klassifikatsiya konfliktov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.society.polbu.ru/lebedeva_settlement/ch06_ii.html (data obrashcheniya: 26.01.2016).
5. Metody uregulirovaniya konfliktov // Psikhologiya onlain [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
6. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://lekcion.ru/Socialnaja_psihologija_lichnosti/6325-voprosi-dlya_obsuzhdeniya.html (data obrashcheniya: 26.01.2016).
7. Terner Dzh. Struktura sotsiologicheskoi teorii. M.: Progress, 1985. 472 s.
8. Shash N. Konfliktologiya. Shpargalka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.litres.ru/natalya-shash/konfliktologiya-shpargalka> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
9. Shevchuk D. Konflikty: izbegat' ili forsirovat' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.center-nlp.ru/library/s55/s62/shevchuk.html?current_book_page=4 (data obrashcheniya: 26.01.2016).
10. Bisno H. Managing conflict. Newbury Park, Calif.: Sage Publ., 1988. 175 p.
11. Fox J. Religion and State Failure: An Examination of the Extent and Magnitude of Religious Conflict from 1950 to 1996 // International Political Science Review. 2004. Vol. 25, No. 1.
12. Nielsen M. E., Fultz J. Further Examination of the Relationships of Religious Orientation to Religious Conflict // Review of Religious Research. 1995. Vol. 36, No. 4.

Библиографическое описание статьи

Рязанова С. В. Религиозный конфликт как нерелигиозный: форма, содержание, структурные элементы // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 26–32. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-26-32.

Reference to the article

Ryazanova S. V. Religious Conflict as Non-Religious: Form, Content, Structure // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 26–32. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-26-32.

Статья поступила в редакцию 07.02.2016